

Корень жизни Юрия Лясоты

(1924-1984)

Известный советский писатель Юрий Лясота родился во Владивостоке в 1924 г. Его отец, Людвиг Иосифович, человек неординарный, увлеченный наукой, как многие молодые образованные люди его времени был активным участником грандиозного вооруженного противостояния, случившегося в России в 1917 г. Выпускник Томского технологического института, перспективный инженер-химик Людвиг Лясота успел поруководить йодовым заводом в Ольгинском районе. В середине 1920-х заведовал учебной частью в Фарме-фармацевтическом техникуме. В 1929 году Главхим СССР создал специальную комиссию по исследованию народнохозяйственного значения морской капусты во главе с Л.И. Лясотой. Однако, в июне 1929 г. 38-летний ученый скоропостижно скончался от туберкулеза. Через несколько лет от этой же неизлечимой в то время болезни умерла его кроткая жена Лидия, оставив на сестру Анну Денисовну двух сыновей - Юрия и Яна.

Время было суровое, в стране начинались репрессии, осиротевшая семья жила на скучное тетино жалованье и *персональную пенсию* мальчиков. Опекаемые тетушкой племянники всегда были сыты, ухожены. Тетушка тщательно следила за их интеллектуальным и физическим развитием, нравственностью, телесной чистотой, старалась дать хорошее воспитание и образование. Дети занимались английским, немецким, хорошо учились в школе. Собрав вокруг себя соседских ребятишек помладше, Юрий пересказывал прочитанные книги, библиотека в семье была солидной, играл с малышами в школу, учил читать и писать. Младший братец Ян, крепкий здоровый мальчик сильно от этого страдал, он хотел прыгать, бегать, играть в салочки, а старший Юрий оттачивал на нем свои педагогические таланты. Ян Юрьевич вырос сильным и закаленным, прошел Великую Отечественную, после войны нашел свое призвание в морском деле.

В 1932 году Юрий *поступил в 9-ю среднюю школу г. Владивостока*. Это была одна из лучших школ города* (имени Марии Сибирцевой). Долг, ответственность, дисциплина, патриотизм культивировались в советском школьном образовании. Детям внушали, что социалистическая родина живет в окружении врагов, а потому советский школьник в случае нападения на родину должен дать достойный отпор. А для этого нужно воспитать в себе выносливость, настойчивость, смелость, не бояться трудностей, не ныть, не хныкать, развивать силу, ловкость и сноровку. С восьми лет Юрий ходил в походы по краю. Бралась бутыль с водой, корзинка с припасами, рыболовные снасти, коробок спичек и вперед – навстречу приключениям. Повесть

«Океанская» написана о его детстве и посвящена погившему на войне другу Алику Бунину. Школьная жизнь была интересной и разнообразной. В школе работали кружки: физкультурный, драматический, шахматный, художественный, русского языка и литературы. Учителя-словесники традиционно глубоко знали свой предмет и умели заинтересовать. *На всю жизнь запомнились такие учителя как литераторы Б.Л. Беляев и В.Ф. Шепетов – может быть благодаря им возникла осознанная потребность попробовать свои силы в творчестве.* Молоденький Борис Леонидович Беляев, сам еще студент, был для Юрия почти небожителем. Его умение образно и глубоко раскрыть тему было поразительным. Он рассказывал детям о творчестве приморских авторов, дети читали и восхищались книгами Т.М. Борисова, В.К. Арсеньева, познакомились со знаменитой книгой Н.М. Пржевальского «Путешествие в Уссурийский край», творчеством писателя-натуралиста М.М. Пришвина. В тётином книжном шкафу рядом стояли толстые кожаные тома Жюля Верна, Майн Рида, Густава Эмара, Диккенса, Стивенсона, Джека Лондона, капитана Мариэтта. Начитавшись, мальчик приходил в порт, бродил по причалам, долго разглядывал корабли, мечтая о дальних странах и путешествиях, и в юной его голове сами собой рождались истории. Он представлял себя гордым капитаном Немо, мустангом Морисом Джеральдом, возможно он видел себя среди индейцев Эмара, а может примерял на себя образ романтика-бунтаря Мартина Идена?

Писать Юрий начал с юных лет. *Первые мои публикации состоялись, когда я учился в 9-10-м классах. В 1938-1939 годах в Хабаровске в то время центре Дальневосточного края, издавалась детская газета «Знамя пионера».* В этой газете и были опубликованы мои первые рассказы. Сохранилась редкая реплика от Василия Кучерявенко: «Лясоту я знал еще по школе, когда он учился, знал его позже. Помню, пришлось публиковать его первые опусы в газете «Знамя пионера», где я работал». В отделе редкой книги и рукописей Приморской краевой публичной библиотеки имени А.М. Горького есть небольшой фонд Ю.Л. Лясоты. В одной из папок две ранние рукописи: «Мачеха» (в двух вариантах) - 1941 г. и «Остров Орфея» - 1945-1946 гг. Тексты написаны красивым твердым почерком, заметно, что по чистописанию у будущего приморского писателя Юрия Лясоты было «отлично». Конечно, это еще не литература, но вот они звучные метафоры: *кедры, словно башни; повисла большая неяркая луна; ледяной бисер горячих брызг; холодок сладко-кислый, как барбарис; глаза ее были суше света; прохладная музыка веяла надо мною; заезды переливаются так низко; волны шипуче гладят песок; кролики с глазами-каплями малинового цвета...*

Уцелел документ: Карточка персонального учета члена Союза писателей СССР, где писатель началом литературной деятельности определяет 1947 год. Юрию Людвиговичу всего 23 года. В этом же году он окончил

Владивостокский пединститут. Главные литературные произведения «Красная осень», «Океанская», «Юность Лазо», «Братья Сибирцевы», «Признание», «В одной далекой стране» будут написаны через два десятка лет.

Окончание школы Юрием совпало с тяжелым военным временем. В действующую армию, несмотря на горячее желание, не взяли. Почему? Юрий был болен туберкулезом. Дипломированных учителей катастрофически не хватало, почти все учителя-мужчины ушли на фронт. И к учительской работе стали привлекать выпускников-отличников. В апреле 1942 года юноша был направлен на работу в ГорОНО заведовать *I сектором*. В феврале 1943 г. Юрий перешел работать в родную школу учителем английского языка. Худощавый, болезненный, сам, по сути, еще ребенок, он хорошо владел своим предметом, был строг и требователен к себе и ученикам. Его не утомляли бесконечные ребяческие «почему», проверка тетрадей, подготовка к урокам, школьные расписания и звонки – он всегда был опрятен, энергичен, тщательно подготовлен к занятиям и находчив в ответах на каверзные детские вопросы. Полуголодные, плохо одетые ребята занимались в холодных классах, был дефицит бумаги, чернил, почти не было учебников, однако дети понимали, что хорошая учеба – их долг. Юный учитель старался сделать уроки интересными, рассказывал о жизни и творчестве английских и американских писателей, заучивал с детьми стихи на английском. Юрию нравилось видеть, как дети начинают понимать язык. Отстающих среди его учеников не было.

В мае 1943 года девятнадцатилетний учитель был арестован по обвинению в антисоветской пропаганде, в феврале 1944 года освобождён. *Действительно, разочарование в кумирах, вызванное военными неудачами, вызывало с моей стороны некоторые нелестные замечания в их адрес...* Эта история стала для юноши глубоким потрясением, но этот факт моей биографии помог мне созреть политически.

В 1945-м Юрий Людвигович поступил на факультет английского языка Владивостокского пединститута, окончив который экстерном в 1947 г., там же работал преподавателем. Четырехгодичный педагогический институт открылся в годы Великой Отечественной войны и в 1947 г. выпустил 80 преподавателей русского языка и литературы, истории и английского языка.

В 1948 году Юрий был уже женат, сохранилось фото: 24-летние серьезные супруги Лясота сняты с родственником (возможно, братом Юрия Яном). С женой Любовью Константиновной – Юрий Людвигович познакомился в детстве, дети учились в одном классе. Любочка была круглой отличницей и в школе, и в институте. В годы войны хрупкая жизнерадостная Любочка успевала совмещать учебу в институте с тяжелой работой в колхозе летом, зимой – в порту, где разгружала уголь и ценное оборудование для фронта. По окончании учебы в 1947 г. Любовь Константиновна осталась

работать в родном пединституте, где со временем стала кандидатом филологических наук. Выпускники Института иностранных языков ДВГУ по сей день помнят, как «глубоко и нескучно» Любовь Константиновна Бобылева преподавала им теорию перевода. Эта красивая умная женщина успевала всё: растить сына, вести дом, ухаживать за мужем, делать карьеру. Сын Андрей был самой главной ее гордостью. Он родился не в самое легкое для молодоженов время. Новоиспеченный отец как раз жил и учился в аспирантуре в Ленинграде. Неопытная мать справлялась сама, малыш рос умненьким, озорным и шустрым. У Андрея Юрьевича обнаружился технический склад ума. Он хорошо учился и стал известным в крае изобретателем.

Ученый-филолог Ю.Л. Лясота до тонкости изучил английский язык. Еще в школе он свободно читал классиков английской и американской литературы в подлиннике. Почему? Юрию нравились эмоции, нюансы, глубина и образность, которые терялись при переводе. Отсюда вырос его интерес к лингвистике. В 1956 г. он защитил диссертацию в Ленинградском педагогическом институте имени А.И. Герцена под названием «Роль метафорических слов и выражений в развитии словарного состава языка». Кандидат филологических наук, доцент Ю.Л. Лясота до 1984 г. работал на кафедре английской филологии ДВГУ. Он был отличным педагогом, к нему тянулась и всегда получала поддержку молодежь. Этот незаурядный человек воспитал и выучил не одно поколение высококлассных специалистов.

Главную свою книгу, *настоящую*, «Красную осень», Юрий Людвигович начал обдумывать с начала сороковых. Вот свидетельство: *После окончания школы на первый план вышла филология, хотя я и продолжал писать, собирать материал для своей книги «Красная осень». Учеба в аспирантуре, научные статьи, монография – все это продолжило работу над романом «Красная осень» почти на десять лет.* Члены его семьи (отец, тетя) были активными участниками революционных событий во Владивостоке и Приморье. По некоторым сведениям, в семье хранился архив, можно предположить, что ряд персонажей «Красной осени», представлявшихся читателю вымышленными, на самом деле, имеют свои реальные прототипы. Писатель объездил все Приморье, он слушал рассказы партизан, простых обывателей, штудировал толстые папки официальных документов, работал в архивах, изучал письма, воспоминания, вел бесконечные консультации с историками, по сути, он превратился в летописца Гражданской войны на Дальнем Востоке (в художественном исполнении). Современники рассказывали, что книга была встречена читателем с большим интересом, тепло, она волновала людей, многие из которых пережили это страшное время, помнили Лазо, Луцкого, братьев Сибирцевых, пугающие марши по Светланской разно племенных интервентов. В конце 1960-х в библиотеках

книгу обсуждали на читательских конференциях со страстью, в горячих спорах. «Это свидетельствует о том, что автор сумел затронуть души и умы читателей», - вспоминала редактор книги Фрина Аркадьевна Чернова. Писатель Михаил Самунин отмечал, что были разные толкования со стороны партизан, что это писал чуть ли не белогвардеец. А некоторые считали автора современником описываемых событий, настолько достоверным было проникновение в дух той эпохи. После выхода в свет *настоящей* книги, писателя *приглашали в библиотеки, районы, много лестного высказывают читатели, много замечаний. Все это я регистрирую для себя и в дальнейшей работе над этой книгой буду доводить ее до высокой кондиции. Буду над ней работать.* По словам Олега Щербановского «не одно из произведений наших местных авторов не породило столько обсуждений и читательских конференций, как этот роман».

Недружелюбно «Красную осень» встретили ветераны и родственники С. Лазо. В журнале «Дальний Восток (1966, № 5) Ф.Н. Петров, О.А. Лазо, С.Г. Вележев, А.Т. Якимов поместили разгромную статью под названием «Реплика (о романе Ю. Лясота «Красная осень»). Ветераны посчитали, что писатель опорочил память М.П. Вольского и Б.К. Рубцова. Юрий Лясота на критику отреагировал просто: «*Очень сожалею, что неуклюже получилось с Вольским. Но документы, которые мне попались, они охарактеризовали его, как человека струсившего и конечно, если мне, когда-нибудь удастся переиздать книгу, эти моменты будут исправлены.*

Маститый писатель Георгий Халилецкий увидел в «Красной осени» «сочетание документальной подлинности и традиционных приемов советского исторического романа делает роман «Красная осень» особенно емким и убедительным, а яркость выписанных автором большинства образов, своеобразие и историческая точность языка, — все это в особенности делает книгу значительной, а об авторе дает возможность говорить, как о человеке бесспорного, крупного дарования и творческой смелости». Василий Кучерявенко, другой известный приморский писатель, сказал, что эта книга «поможет молодежи лучше узнать свой край, его историю и традиции». Высоко оценил роман «Красная осень» Олег Щербановский. Он был знаком с Ю.Л. Лясотой еще с 1944-го. 20-летний учитель Юрий Лясота принес в «Тихоокеанский комсомолец», где работал Щербановский свои первые, написанные на грубой серой бумаге, литературные опусы (заметки, очерки, рассказы). Юрий писал на тему школьной жизни, воспитания, детской психологии, о том, что было близко ему, но так умело, с литературным уклоном (живым языком, эмоционально, тонкой наблюдательностью, увлеченно). «Красная осень» впечатлила признанного литературного мэтра Щербановского зрелостью: «Обычно авторы при всей любви к завоеваниям революции, показывают героику революции и со стороны интеллигенции

перелом человека мало кто писал. Я знаю роман А. Толстого «Хождение по мукам», там есть переход, но не так тонко психологически, как у Лясоты. У Лясоты же это сделано так тонко, так здорово, переход сделан ненавязчиво. И, по-моему не вина Лясоты в том, что читатель не понял некоторые вещи, просто читатель отвык от мыслей, он привык, что ему разжевывают».

Среди активных ругателей *настоящей* книги был авторитетный Михаил Матюшин. Почему? Ему не понравилось, что «Лясота подходит к подаче материала, как-то иллюстративно, как фотография. Тем не менее, роман прочитал без труда, прошло много времени, все недостатки как-то стерлись, и у меня осталось мнение, что Юрий Лясота – писатель, которого можно чувствовать, как товарища, чувствовать его локоть». В 1984 г. в Дальневосточном книжном издательстве вышел сборник «В одной далекой стране». Редактировал книгу Михаил Матюшин. На форзаце подаренного ему экземпляра есть душевная надпись: *Дорогому другу и собрату по перу, рецензенту рукописи этой книги с признательностью и уважением – М.И. Матюшину. Ю.Л. Лясота, июнь 1984.*

6 мая 1967 г. Ю.Л. Лясоту приняли в члены Союза писателей. Рекомендации он получил от солидных приморских авторов: О. Щербановского, В. Кучерявенко, Г. Халилецкого. Ю.Л. Лясота был членом бюро Приморской писательской организации, избирался делегатом на III съезд писателей РСФСР. Писатель охотно занимался общественной деятельностью. Дважды избирался депутатом Владивостокского городского Совета народных депутатов.

Блестяще образованный ученый-филолог Юрий Людвигович Лясота, со слов внука Дмитрия, мог позволить себе читать в оригинале, например, Шекспира (современные англичане читают Шекспира в адаптированном переводе). В его автобиографии аккуратным почерком написано, что он владеет *английским, немецким и рядом других языков*. Каких – других? «А почему не написать полностью?» – недоумевал его старший литературный товарищ прозаик Олег Щербановский. То есть, в оригинале читались не только Шекспир, Голсуорси или Драйзер, были возможно немцы Гейне, Гёте, Фейхтвангер, польские авторы... И друзья его были столь же блестящи. В основном, коллеги-филологи, Алла Федоровна Прияткина, Нина Ивановна Великая. С Ниной Великой дружили семьями, дошло до нас из далекого 1974-го дружеское фото: Ю.Л. Лясота с семьей и Н.И. Великой (все нарядные, молодые, красивые, счастливые). Наверное, другом Юрия Лясоты можно назвать Олега Щербановского, теплые приятельские отношения у них точно были. Возможно и наставнические. Литераторов объединяли, например, польские корни, Щербановский экстерном окончил школу, Лясота институт, оба увлекались языками, только Лясота был профессиональным лингвистом, а

у Щербановского это было увлечением. Оба писали книги для детей, «Слепой капитан» Щербановского тянет на бестселлер, а у Лясоты есть «Океанская»!

В Литинституте Юрий Людвигович никогда не учился, но он был филологом, в нем жила некая врожденная любовь к слову (а пожалуй и страсть!), он его чувствовал, оттачивал каждое выражение, собирая *точные* слова в предложения. Писатель много читал, учился у других авторов: *Рассказы, новеллы Шолом-Алейхема читали? Вот вам произведения о любви к «маленькому человеку», в которых стихия юмора включает и сострадание, и грусть. «Дикую собаку Динго, или Повесть о первой любви» Фраермана читали?* Он мечтал заставить читателя *сопереживать*, думать, чувствовать, страдать: *Всё ваше мировоззрение накладывается через эмоции.* Этот талантливый литератор и ученый-лингвист мог выражать свои мысли в умелой и четкой форме. Он не терпел ошибки и описки. На очередном семинаре молодых прозаиков края в 1975 г. он наставлял неопытных авторов так: *Когда выносите на общественный суд [произведение], то надо показать свою грамотность, или вы подорвете свое доверие...*

Писатель Юрий Лясота очень хотел диалога с читателем (несмотря на обычную занятость). Я *вообще часто встречаюсь с читателями и на производстве, и в общественных библиотеках, рабочих клубах. Летом много езжу по краю, часто выступаю в пионерских лагерях.* Эти встречи очень помогают в творчестве – видишь своего читателя «живьем», видишь его настроение, восприятие. Последние лет 20 он жил на Русской, 84 в простой пятиэтажке и нередко с беседами выступал перед учащимися 61-й средней школы на Бородинской, 27. Солидные седые люди, бывшие школьники, помнят его лекции по сей день. Я *очень часто встречаюсь со школьниками. Мне, не скрою, приятно, что они знают мой роман «Красная осень», и при обсуждении произведения высказывают очень глубокие суждения о нем.*

Богатый архив, накопленный им при работе над романом «Красная осень», использовался писателем также при написании произведений «Юность Лазо», «Братья Сибирцевы» (за эту книгу его тоже ругали, обвиняли в плохом знании истории), «Знамя над океаном». Роман «Признание» переведен на польский язык и издан в Варшаве (для имевшего польские корни Юрия Лясоты, наверное, это было важно). Книги Юрия Лясоты, к сожалению, давно не переиздаются. Очень хотелось бы, чтобы современные читатели с ними познакомились. Приключенческая задорная повесть «Океанская» была бы интересна подросткам и Театр молодежи вполне мог бы ее адаптировать для постановки. «Красную осень» можно рекомендовать для изучения будущим историкам. Напечатанная в 1957 г. в альманахе «Советское Приморье» повесть «Корень жизни» («киносценарий» по словам О. Щербановского), познакомит живущих в 21-м веке с научной деятельностью

и бытом ученых Горнотаежной станции 1950-х. Приморский литературный критик А. Лобычев, рассуждая «об уникальности и своеобразии нашей литературы» назвал Ю. Лясоту одним из первых авторов «в литературной истории страны», создавшем повесть о древности Приморья» – бохайцах и чжурчжэнях.

Я много говорил с читателями, с литературной общественностью. И если есть у меня что-то такое, что заслуживает их одобрения, то этим я обязан и им. Я всегда чувствовал поддержку и никогда не обижался на критику, потому что чувствовал, что она идет от доброго сердца. Я заверяю, что буду работать так, как требуется это от меня.

И ушел так рано... в 60 лет...

Лясота плодотворно, не щадя сил и здоровья, трудился как ученый, педагог и писатель. *Общение с молодежью, со студенчеством – один из существенных факторов литературной работы, даже можно сказать, что это средство вдохновения.* У Юрия Людвиговича были интересные замыслы, творческие планы. В течение многих лет писатель работал над большим романом «Дом под синей крышей», к сожалению, оставшимся недописанным. Известно, что роман многоплановый, касающийся вопросов нравственности, отношений между людьми. А как бы хотелось, чтобы нашелся литературный человек, который сумел бы завершить начатое, ведь книга почти готова.

Автор этой маленькой публикации благодарит семью писателя – внука Дмитрия Андреевича с супругой Галиной Викторовной, за предоставленные материалы, а также ценный подарок библиотеке – пишущую машинку писателя, ученого-филолога Юрия Людвиговича Лясоты.

**Текст, выделенный курсивом, принадлежит Ю.Л. Лясоте.*

В работе использованы документы из фондов Приморской краевой публичной библиотеки имени А.М. Горького, Российского государственного архива литературы и искусства, личного архива приморского писателя А.М. Бачурина и общедоступных ресурсов Интернет.

Андреева Марина Игоревна, главный библиограф-краевед ПКПБ им. А.М. Горького, г. Владивосток